

Т. В. Бугримова

**СТАНОВЯСЬ СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНИНОМ:
ЯЗЫКОВОЙ ВЫБОР В ДНЕВНИКЕ Н. Ф. ТЕРЕНТЬЕВА***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-3(72)-190-198

УДК 94(470.13)“1936/1939”

ББК 63.3(2Рос=Коми)61

В статье на материале дневника начинающего писателя Н. Ф. Терентьева из Коми АССР, который вел свои записи на коми языке с 1936 по 1939 гг., рассматривается специфика формирования субъективности в нерусскоязычном дискурсивном пространстве. Автор статьи высказывает предположение, что нерусскоязычные народы в СССР в 1930-е гг., обретая новую субъективность, начинали не просто «говорить по-большевистски», а усваивали более престижный дискурс, в котором революционным консолидирующим потенциалом наделялся именно русский язык. Материал дневника свидетельствует о том, что становление советского гражданина происходило на двух уровнях. В случае Терентьева первый уровень касался локального контекста: автор дневника выступал за развитие деревни, занимался сбором фольклора, придерживался национальной литературной традиции в описании деревни. Второй уровень был связан с желанием Терентьева быть сопричастным к более важным событиям: он вступает в комсомол, использует марксистский язык при описании повседневности, активно занимается переводами русскоязычных писателей. Процесс написания дневника выражал не только стремление автора стать коми писателем, но и его активную гражданскую позицию. Н. Ф. Терентьев стремился стать именно коми писателем, представителем формирующейся национальной интеллигенции. Усваивая «дискурс культурной революции», Терентьев позиционировал коми литературу как отсталую, которую еще следует довести до уровня русской литературы. В этом плане его развитие как писателя означало не только преодоление собственной, лично признаваемой отсталости, но и преодоление отсталости своей культуры.

Ключевые слова: субъективность, дневник, национальная политика в СССР, СССР, коми язык, идентичность

*«Ме тай ичот морт-на вӧлӧма олӧмас
ӧти войт сӧмын... Дугда гижӧмысь...
Прӧстой лэдчӧм мортӧн лоя... Ог! Некедз
ог! Гижӧм ог чӧвт, кӧть грубӧя гижисны мый
нинӧм ог куж... ладно...Создайтэ эштиӧмс,
мед ставныс шуасны: ах!» («Я то оказы-
вается маленький человек еще, одна капля.
Прекращу писать. Буду простым человеком,
учащимся... Нет! Никак нет! Писать не бро-
шу, хоть и грубо ответили, что ничего не
умею... Ладно...Создам такое, чтобы все ска-
зали: ах!»¹ Такую запись оставил в дневнике
Николай Федорович Терентьев после получе-
ния критического ответа из Союза писателей*

¹ Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (20.05.1938). (Здесь и далее перевод автора.)

*Бугримова Татьяна Викторовна — ассистент кафедры междисциплинарных исторических исследований историко-политологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь)
E-mail: tbugrimova@gmail.com*

* Статья выполнена в рамках Программы развития партнерских центров Европейского университета в г. Санкт-Петербурге. Автор выражает благодарность Анатолию Пинскому и Александру Резнику за ценные комментарии

Коми АССР по поводу отправленных стихотворений. Дневник Терентьева, отличающийся двуязычием, представляет собой интересный материал не только для исследования субъективности в нерусскоязычном дискурсивном пространстве, но и для исследования механизмов формирования идентичности в национальных автономиях.

Современные исследователи активно разрабатывают проблематику советской субъективности,² особенно со второй половины 1990-х гг.³ Так, например, Й. Хелльбек подчеркивал, что большевики после революции занимались практиками субъективизации, воспитывая сознательных граждан, стремящихся строить социализм по своей собственной воле.⁴ Практикам самопрезентации уделялось особое внимание в советском проекте, ведь именно так индивиды становились субъектами революционного дела.

² См.: Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М., 2017.

³ См.: Пинский А. Предисловие // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018.

⁴ См.: Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // The Russian Review. 2001. Vol. 60, iss. 3. P. 340.

Советскую субъективность в первую очередь исследуют на основании дневниковых записей.⁵ Они позволяют не только понять, каким образом люди в 1930-х гг. осваивали идеологию и как через нее рационализировали окружающую их действительность, но и лучше разобраться в вопросе субъективности как феномене формирующемся во времени и исторически контекстуализированном.⁶ Однако несмотря на то что исследователи советской субъективности много пишут о «новом советском человеке»⁷ и идеологии, они, как правило, не рассматривают этнокультурные идентичности.⁸

Что касается исследований этничности в раннем СССР, авторы чаще сосредотачивают свое внимание на проблеме советского управления «разнообразием», столкновении альтернатив национального строительства во внутрипартийной борьбе и реже — на том, каким образом эта политика интериоризировалась различными индивидами и группами.⁹ Исследователи раскрывают национальную политику с позиций государства и власти, в то время как восприятие этих процессов через призму индивидуального опыта, через субъектов этой политики остается за рамками внимания. В целом исследований механизмов формирования этнокультурных идентичностей на советской периферии в 1930-е гг. достаточно мало, не говоря уже о том, что они сосредоточены на коллективном аспекте этих процессов.¹⁰ В частно-

сти, подобных исследований на примере Коми АССР не существует.

Представляется перспективным объединение этих двух исследовательских взглядов, способных пролить свет на специфику формирования субъективности в нерусскоязычном дискурсивном пространстве.

В своей статье я попытаюсь соединить эти два направления и выяснить, каков потенциал дневниковых записей в изучении вопроса этнокультурных идентичностей на примере дневника на коми языке Н. Ф. Терентьева (1919–1944) — молодого студента, начинающего писателя из села Брыкаланск Коми АССР. На мой взгляд, его дневник содержит материал для размышления о том, что означало быть советским человеком на периферии, и в целом представляет собой любопытный взгляд «снизу» на национальную политику СССР и на идентичности, формировавшиеся в результате этой политики.

Одной из ключевых особенностей рукописи является ее уникальность — это самый подробный из известных текстов, написанный на коми языке в 1930-е гг.¹¹ Дневник содержит 297 страниц, на которых есть записи о жизни в деревне, заметки о природе, информация об училище, просмотренных фильмах и прочитанных книгах, планы автора и рассказы о событиях, происходивших в стране и в мире. Второй особенностью является двуязычие текста. Терентьев редко, но все же писал на русском языке.¹² Кроме этого, он не стремился следовать литературной норме и использовал ижемский диалект коми языка, отличающийся специфической лексикой и способами словообразования.¹³ Описывая советские дневники, Й. Хелльбек замечает, что множество авторов вело их преимущественно для формирования себя как писателя.¹⁴ Н. Терентьев четко знает, что хочет стать литератором. Именно это стремление становится лейтмотивом его дневника. Ему важно было стать автором, создающим свои произведения на родном коми языке.

Сведения о биографии Терентьева скудны. Он родился в многодетной семье. В 1936 г.

⁵ См.: Хелльбек Й. Указ. соч.; Paperno I. *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*. Ithaca, 2009.

⁶ См.: Hellbeck J. *The Diary between Literature and History: A Historian's Critical Response* // *The Russian Review*. 2004. Vol. 63, iss. 4. P. 628.

⁷ В своей работе С. Коткин уделяет внимание конструктивному потенциалу языка как особому способу конституирования реальности и своего «я». Рассматривая политику Советского Союза в 30-х гг., автор на примере влияния индустриализации на повседневность рабочих Магнитогорска демонстрирует, что в Советском союзе шел процесс «большевизации языка», и пытается проследить влияние данного процесса на становление «нового советского человека». См.: Kotkin S. *Op. cit.*

⁸ В качестве исключения можно упомянуть: Blackwood M. A. *Fatima Gabitova: Repression, Subjectivity, and Historical Memory in Soviet Kazakhstan* // *Central Asian Survey*. 2017. Vol. 36, iss. 1. P. 113–130.

⁹ См.: Suny R. G. *The Soviet Experiment Russia, the USSR, and the Successor States*. New York, 1998; Suny R. G., Martin T. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. Oxford; New York, 2001. Мартин Т. Империя «полжительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

¹⁰ См., напр.: Yilmaz H. *The Soviet Union and the Construction of Azerbaijani National Identity in the 1930s* // *Iranian Studies: Journal of the International Society for Iranian Studies*. 2013. Vol. 46, iss. 4. P. 511–533; Iqmen A. *Speaking Soviet with an Accent: Culture and Power in Kyrgyzstan*. Pittsburgh, PA, 2012.

¹¹ Известно как минимум о двух писательских дневниках на коми языке — Егора Александровича Шахова и Михаила Павловича Доронина. Они велись примерно в одно время с Терентьевым, содержат всего по паре страниц и охватывают события нескольких месяцев.

¹² Терентьев хорошо знал русский язык, мог читать, писать и свободно переводить.

¹³ См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (01.04.1937).

¹⁴ См.: Хелльбек Й. Указ. соч.

окончил семилетнюю школу, затем сразу же поступил в Мохчинское педагогическое училище.¹⁵ В студенческие годы Н. Терентьев активно участвовал в литературно-художественном кружке «Всходы»; первые произведения печатал в журнале «Ударник», в газете «Гёрд Печора» на коми языке. На последнем курсе училища вступил в комсомол. Еще в студенческие годы Терентьев был приглашен на работу в качестве ответственного секретаря в газету «Гёрд Печора».¹⁶ Официально поработать в издании ему удалось только летом 1939 г.: уже в сентябре он был призван в ряды РККА. В 1942 г. Терентьев стал членом ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны он был стрелком, был награжден Орденом Красной Звезды в 1944 г. В марте того же года Николай Терентьев был убит в бою под городом Броды Львовской области. Уходя на фронт, автор оставил записи своей семье.¹⁷ Долгое время они хранились у двоюродного брата Н. Терентьева, а затем были переданы в Ижемский районный историко-краеведческий музей, где сейчас и находятся. Некоторые отрывки из них были опубликованы, но до сих пор нет полного, откомментированного и проанализированного издания дневника.¹⁸

Характерно, что текст дневника в целом отражает тенденции в развитии коми языка в 1920–1930-е гг. Начавшаяся в 1920-х гг. политика «зырянизации»¹⁹ — государственная политика в области применения коми языка — на первоначальном этапе «была направлена на решение двух связанных друг с другом задач — ввести коми язык в сферу партийно-государственного управления и всемерно расширить его общественные функции».²⁰ В 1930-е гг. языковая политика заметно осложнилась трехкратной сменой алфавита. С 1918 по 1930 гг. использовали молодцовский алфавит.²¹ Однако поскольку он был сложен для рукописного

текста, а также не удовлетворял требованиям «современного общественного движения народов в сторону латинизации алфавитов»,²² то был заменен на латинизированный в 1930 г.²³

В своем дневнике Терентьев использует два вышеотмеченных вида алфавита. Например, когда в 1936 г. молодцовский алфавит вернули обратно, Терентьев стал вести все свои записи исключительно на нем.

В 1938 г., когда происходит переход на русскую графику, автор дневника резко меняет свой стиль написания в дневнике. Записи от 17 октября и 28 октября 1938 г. уже свидетельствуют о принципиальном различии в графике, и в дальнейшем автор не возвращается к предыдущему варианту. В этой связи интересно, что Терентьев гораздо быстрее адаптировался к изменениям в языке, чем периодическая печать: газеты и журналы на коми языке не успевали вовремя менять наборные шрифты и после реформы 1938 г. как минимум в течение шести месяцев выходили с использованием старого алфавита.²⁴

Дневник был нужен Терентьеву не только для того, чтобы отражать в нем последние изменения в коми алфавите: он служил местом для литературной тренировки. В своем тексте автор комбинирует различные жанры, составляет планы своих будущих произведений. Так, в июле 1936 г. появляется первая запись о том, что он отправил в литературный журнал «Ударник» свои стихотворения. Попасть в «Ударник» было непросто, туда брали в основном тексты более профессиональных авторов или переводы. Терентьев считал, что если напечатают хотя бы одно стихотворение, то он обязательно будет стараться держаться за литературу. Если нет, то будет учиться писать и все равно станет писателем.²⁵ Неизвестно, откуда у юноши появилась такая мечта, но это желание повлияло и на его манеру письма: начиная с 1937 г. его текст заметно усложняется, и многие записи по форме становятся похожими на самостоятельный рассказ.

Основной причиной этого являлась заинтересованность Терентьева в развитии национальной литературы, частью которой он планировал стать. Он пишет свои первые

¹⁵ См.: Хатанзейский Н. Люди Ижемского края. Ижевск, 2014. С. 10.

¹⁶ См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (17.06.1939).

¹⁷ См.: Хатанзейский Н. Указ. соч. С. 11.

¹⁸ См.: Терентьев Н. Ф. Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников. URL: <http://www.prozhito.org/person/2767> (дата обращения: 21.03.2021).

¹⁹ См.: Попов А. А. Зырянизация (1918–30-е годы) // Проблемы функционирования коми языка в современных условиях: материалы науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 28–30 марта 1989 г.). Сыктывкар, 1990. С. 82.

²⁰ Цыпанов Е. А. Опыт периодизации национально-языковой политики в Республике Коми (от начала XX в. до наших дней) // Финно-угорский мир. 2017. № 1 (30). С. 18.

²¹ См.: Пунегова Г. В. Графическая система национального алфавита: из истории коми графики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40), ч. 2. С. 148.

²² Беликов В. И. Социолингвистика. М., 2019. С. 278.

²³ См.: Там же... С. 283.

²⁴ Так, напр., можно заметить молодцовский алфавит в декабрьском номере журнала «Ударник» за 1938 г., в январских выпусках газеты «Гёрд Печора» за 1939 г.

²⁵ См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (01.07.1936).

стихи именно на коми языке и отправляет в комиязычные журналы: «Талун эштöдi статья “Зорзялö — быдмö коми литература” (24 страница) асланым училищеса художественной журналö» («Сегодня закончил статью “Растет-развивается коми литература” (24 страницы) в художественный журнал училища»)²⁶ С особым трепетом относится Терентьев к учебному предмету «коми литература», особенно когда тот исчезает из расписания: «Ме ногыс роч литература моз жö колö вниманиесö обратитны коми литература вылас» («Как по мне надо обратить внимание на коми литературу также как и на русскую»)²⁷

Терентьеву в целом важны процессы, происходящие с коми литературой и языком. Именно поэтому встречаются его рассуждения о продвижении коми литературы: «...оз на тöд мяня коми литератураын водзö йöткыштчöмсö — выль алфавит, выль правилöяс... ме... оз бахвалитчы гижöмнас, а сiдз колö. Колiс нин тадз эськö гижны век, но ми сер на заводитiм бур делöсö вöчны» («...не знает о нашем коми литературном продвижении — новый алфавит, новые правила... Я... не хвастаюсь написанием, а так надо. Надо было, конечно, всегда так писать. Но мы поздно начали хорошее дело делать»)²⁸ Здесь автор противопоставляет прошлое настоящему, где его работа и творчество других коми писателей должны возвысить национальную литературу.

Автор дневника не только пишет на коми, но и старается найти свой особый стиль при написании произведений — ради этого Терентьев даже начинает собирать фольклор: «Коми фольклорной удж страстнöя заводитi вöчны» («Начал страстно выполнять коми фольклорную работу»)²⁹ Он делает это с особым энтузиазмом, подчеркивая важность этого занятия. Для Терентьева сбор фольклора, с одной стороны, способ лучше узнать что-то из истории и культуры родной деревни, с другой стороны, хорошая возможность использовать накопленный материал в работе.

Собранные материалы он отправлял в Союз писателей Коми АССР. В 1935 г. организация поставила задачу сбора устного народного творчества. Предполагалось, что местное население по заранее составленной инструкции

будет вовлечено в процесс сбора.³⁰ Именно результаты этой работы Терентьев увидел в «Ударнике» в 1938 г.: в журнале были опубликованы материалы, а автор дневника начал подражать коллегам, стараясь быть причастным к развитию коми литературы.³¹

Как пишет К. А. Богданов, при помощи потребления фольклора индивиды присваивали определенную культуру.³² Коми писатели использовали его для национализации нарратива, и чтобы обогатить язык художественными средствами.

Терентьев находился в поисках собственных тем, и особое место в его дневнике занимала тема природы и деревни. В дневнике невозможно найти доминирующий дискурс о преодолении природы,³³ Терентьев оказывается ближе к коми литературной традиции, в рамках которой человек был тесно связан с природой.³⁴

В дневнике встречаются мотивы гармоничного сосуществования человека и природы и даже идеи о неподвластности стихии. Например, 27 июня 1937 г. автор дневника делает длинную трехстраничную запись, посвященную удару молнии. Терентьев описывает, какая была ужасная гроза: «11 часö грöза лои (татшöм страшнöйыс таво первойыс на), мый керканым дрöжжитö, öшиньястi юркйöдлö чардбиыс, а зэрö — кöшысь кисьтö. Öтчöд зэв ена здрöгнитлiс: öти ичöтик керкаö ударитöма молнияыс» («В 11 часов случилась гроза (такая страшная впервые в этом году), такая, что дом дрожит, в окнах молнии, а дождь льет из ведра. Один раз так сильно вздрогнуло: в маленький домик ударила молния»)³⁵ Русское слово «молния» эквивалентно коми слову «чардби», и автор дневника использует оба в соседних

²⁶ Там же (03.05.1937).

²⁷ Там же (30.09.1936).

²⁸ Там же (13.01.1939).

²⁹ Там же (запись сделана до 12.01.1939).

³⁰ См.: План работы коми правления Союза советских писателей // ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. 943. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 23.

³¹ В 1938 г. в журнале появляется целая рубрика, которая была посвящена фольклору. См.: Коми фольклорысь // Ударник. 1938. № 12. С. 51–55.

³² См.: Богданов К. А. Vox populi. Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009. С. 13.

³³ К. Кларк пишет о том, что период первых пятилеток в сталинской культуре проходил под лозунгом борьбы с природой, связанной с социалистическим строительством. Главными литературными героями становились люди, готовые выживать в условиях смертельной опасности и обязательно доказывать свое главенство в этом мире. См.: Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2002.

³⁴ См.: Зиявадинова О. С. Коми проза первой трети XX века: художественно-философское осмысление взаимоотношений человека и природы // Вестн. угроведения. 2013. № 2 (12). С. 30.

³⁵ Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (27.06.1937).

предложениях. Русским словосочетанием «ударитõма молнияыс» («ударила молния») он стремится продемонстрировать ужасность происходящего, усилить высказывание. Коми аналог не позволил бы передать всю быстроту и неожиданность ситуации. С этой же целью Терентьев дополняет текст образом маленького дома, которому пришлось испытать на себе силу природного явления. Здесь человек оказывается беззащитным, будучи не в силах противостоят этому событию.

Следует отметить, что сюжеты, в которых природа и человек сосуществовали в гармонии, встречались в литературе 1920–1930-х гг.³⁶ Терентьеву эта тема тоже близка и знакома, поэтому он пишет об этом в своем дневнике. Кроме этого, автор следует совету Союза писателей создавать произведения на хорошо знакомые темы.³⁷

Однако автора дневника волновали не только локальные проблемы. Он хотел быть не просто коми писателем, который собирает фольклор и пишет о деревне, а хорошим советским гражданином. Терентьеву было важно входить в писательское сообщество коми. С одной стороны, именно деревенская тематика обуславливает специфику дневника и наглядно демонстрирует приверженность автора коми литературной традиции. С другой стороны, она выступает лишь фоном для попыток автора стать писателем, поскольку Терентьев пытается «вписать» себя в гораздо более крупные исторические процессы. Через собственные представления о деревне и природе, дополненные собиранием фольклора, он пытается выйти на новый уровень развития литературных навыков. Терентьев переосмысляет все национальное для создания нового, соответствующего современному советскому контексту.

Как уже было отмечено, в тексте дневника Терентьева можно заметить и русский язык. В первую очередь автор использует лексику, связанную с революционной и советской действительностью, не пытаясь искать «индигенные» формы общепринятых терминов. В этом смысле Терентьев находится в русле новых тенденций советской языковой политики, с

1930-х гг. борющейся с проявлениями пуризма в национальных языках.³⁸

В коми текст Терентьева проникают такие словосочетания, как «*мелкобуржуазной тенденция*» («*мелкобуржуазная тенденция*»), «*колхозной порадок*» («*колхозный порядок*»). Если слово «*порядок*» можно было перевести на коми («*лад*»), то остальные слова в 1930-х гг. не имели аналогов. Терентьев их морфологически адаптирует, используя коми определено-притяжательный суффикс «*ой*» в русских прилагательных. В записях, связанных со вступлением Терентьева в комсомол, также можно найти суффикс «*ой*» и суффикс множественного числа «*яс*»:³⁹ «*общекосмольской собрание*», «*ленинской комсомол радьясö*», «*ми комсомолецьяс*». Коми аналога слова «*комсомол*» в языке не существовало.

Однако в дневнике встречаются некоторые понятия, у которых был коми аналог, но которые были сознательно заменены Терентьевым русским вариантом. Так, он использует слово «народ»: «*Талун клубын доклад вöли, а бөрнас кино. Народыс зэв уна вöли чуккормöма. Билеттясö проверитöм могысь Народсö заводитлисны вöтлавны, но эз петны. Но и Народлön вын — оз пет и все... Некутшöм сила оз вермы вензыны. Лолі быттöкö стачка, некыдз оз петны*» («*Сегодня в клубе был доклад, а потом кино. Народу очень много собралось. С целью проверки билетов Народ начали выгонять, но он не выходил. Ну и сила у Народа — не выходит и все... Никакая сила не может справиться. Образовалась как будто стачка, никто не выходит*»)⁴⁰ Слово «народ» имеет коми аналог «*йöз*», но Терентьев использует русское слово, обладающее характерной революционной коннотацией,⁴¹ тем самым, возможно, демонстрируя свою причастность к актуальному контексту, с которым был связан «марксистский» или «большевистский» язык.⁴²

Общий контекст прослеживается как на языковом уровне, так и на содержательном: автор стремится быть вовлеченным в более важные события. Самый яркий пример использования русского языка связан со вступлением в комсомол. События 1939 г. Терен-

³⁶ См.: Зиявадинова О. С. Указ. соч. С. 30. Например, в повести В. Т. Чисталева «Трипан Вась» главным героем выступает не только человек, но и окружающие его лес и река. Автор поэтизирует мир природы, пишет летопись о жизни северного леса, о взаимоотношениях его обитателей.

³⁷ См.: Том гижысьялы // Ударник. 1937. № 11. С. 32, 33.

³⁸ См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 571, 572.

³⁹ См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (15.09.1937; 01.05.1939; 03.05.1939).

⁴⁰ Там же (12.03.1939).

⁴¹ Этот коми аналог не раз встречается в записях Терентьева.

⁴² Речь идет о термине, предложенном С. Коткиным: Kotkin S. Op. cit. P. 198–237.

тьев сначала подробно фиксирует на коми языке, детально описывает процесс приема, свое настроение и сразу же спешит поделиться радостной новостью с отцом: пишет ему письмо на русском языке, хотя раньше всегда это делал на родном. Использование русского в этом случае служит демонстрацией некоего перерождения в комсомольца. Заявление о принятии в комсомол и заседания тоже были на русском языке.⁴³

Терентьев также использует русский язык при обращении к образу Пушкина. Делает он это достаточно часто, так как, по всей вероятности, хочет на него ориентироваться. «*Ӧд Пушкин поэтъяс дінӧ прӧста эз обратитчыв... конце концов, поэт, учи меня писать*» («*Ведь Пушкин обращался к поэтам не просто так... в конце концов, поэт, учи меня писать*»).⁴⁴ Поэтому одно из своих стихотворений он пишет в дневнике на русском языке, и это явная отсылка к стихотворению «Зимнее утро»:⁴⁵ *Дождик и солнце — день чудесный, // Народ восхвалит и тебя. // Вся земля цветет, цвет прекрасный // Через окошко вижу я...*⁴⁶

Здесь практически полностью совпадает первая строка («*Мороз и солнце; день чудесный!*»), во второй строке, так же как и у классика, идет обращение к герою («*Еще ты дремлешь, друг прелестный*»).

Наконец, в тексте часто встречаются описания диалогов с однокурсниками. Часть из них не владела коми языком, поэтому неформальное общение выстраивалось с использованием русского языка. Терентьев также отмечает, что свои некоторые статьи в издания училища он специально пишет на русском языке, чтобы они были более доступными товарищам.

Таким образом, в языковом плане в дневнике Терентьева наблюдается явление переключения кодов: в текст дневника периодически проникает русская лексика, а иногда даже целые фрагменты. Это, несомненно, свидетельствует о билингвизме Терентьева, возможно, ставшем как раз следствием происходивших изменений на фоне перемен в советской национальной политике, направленной на продвижение русской культуры.⁴⁷ В этой связи русскоязычные интерференции в дневнике

можно воспринимать как аккультурацию автора и адаптацию к новому контексту.

Дневник Терентьева интересен не только проникновением русского языка, но и рассуждениями автора о национальной и русской литературе. Их анализ дает возможность понять, каким образом выстраивалось взаимоотношение «коми» и «русского», или «коми» и «советского».

Автора дневника расстраивает, что изучению коми литературы в училище отводится не так много времени: «*Сіӥӧ только лекыс, мыӥ сӧмын коми литература урокыс ӧти час вежоннас расписаниӥӧс вылын. Ӧд коми литератураӥд — кымынкӧ воӥас на только чужӧмыслы, гӧль на. Мед таӥӧс кыпӧдны либӧ мукӧд странаӥасса, либӧ роч літературакӧд ӧті уровеньӧдз ваӥӧдны, колӧ жонджыка школаысын велӧдны*» («*Это только плохо, что урок коми литературы один раз в неделю в расписании. Ведь коми литература — несколько лет назад только родилась — она бедная. Чтоб ее поднять либо до уровня других стран, либо привести на уровень русской литературы, надо в школах больше учить*»).⁴⁸

Эта цитата выражает рефлексию по поводу поворота национальной политики в СССР, наметившегося начиная с 1933 г. В новой риторике акцент делался не на формировании советской культуры, а на большей релятивизации культур, доведении «отсталых культур» до уровня более развитых, ассоциировавшихся именно с русской культурой, что заметно в приведенной цитате. Русская культура находилась в привилегированном положении относительно культур других народов Советского Союза.⁴⁹

Использование русских слов, цитирование и подражание русским классикам демонстрируют, что автор дневника освоил дискурс «культурной революции»,⁵⁰ предполагавшей, по словам Сталина, «расцвет национальных культур социалистических по содержанию и национальных по форме».⁵¹

Усвоение дискурса «культурной революции» в том числе предполагало и усвоение «дискурса культурной отсталости».⁵² Например, в процитированной выше записи о недостаточном количестве уроков коми литературы

⁴³ См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (01.05.1939).

⁴⁴ Там же (20.05.1938).

⁴⁵ См.: Пушкин А. С. Зимнее утро. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/stihi/stih-640.htm> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴⁶ Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (03.07.1937).

⁴⁷ См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 556.

⁴⁸ Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (30.09.1936).

⁴⁹ См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 618.

⁵⁰ Там же. С. 218, 219.

⁵¹ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1930. С. 55, 56.

⁵² Мартин Т. Указ. соч. С. 178.

Терентьев отмечает не только молодость, но и бедность коми литературы.⁵³

Терентьев признавал превосходство русской или советской русскоязычной литературы над национальной и, судя по всему, видел потенциал развития последней именно в подражании и имитации русскоязычной литературы, выдаваемой за стандарт. Такое видение развития литературы, основанное не на создании новых культурных форм, а на имитации «мастеров», совпадало с обновившимся контекстом литературной политики. Еще в 1932 г. Сталин в обращении к писателям подчеркивал, что мастерству можно учиться даже у контрреволюционных писателей.⁵⁴

В этой связи совершенно не случайно, что Терентьев, следуя за образцами, активно прославляемыми в официальном дискурсе, берется за переводы Горького и Пушкина.⁵⁵ Свое знание двух языков Терентьев хотел направить на дополнительное обогащение коми литературы. В 1930-е гг. считалось, что коми писатель обязательно должен быть еще и переводчиком.⁵⁶ В Союзе писателей критиковали переводы, выполненные без учета особенностей языка.⁵⁷ Отмечалось и плохое знание коми писателями русских и зарубежных классиков, без которых нельзя поднять «свою культуру»: предполагалось, что переводы будут служить примером для подражания.⁵⁸

Складывается впечатление, что Терентьев разделял конструктивистский потенциал советской национальной политики, включившей в себя развитие национальной литературы.⁵⁹ Терентьев воспринимал ее как новое явление, ставшее возможным благодаря советскому проекту. В одной из своих статей в 1939 г. он пишет: «*Миян Коми АССР-ын вöвлытöм öдъясöн быдмö национальной да социалистической содержания культура*» («*В нашей Коми АССР с небывалой скоростью*

растет национальная и социалистическая культура»)).⁶⁰ Несмотря на репрессии, которые коснулись Союза писателей Коми АССР, литература продолжала развиваться. В печати все чаще появлялись тексты молодых авторов, делавших первые шаги в литературе, переводы с русского языка и перепечатывание стихов дореволюционного поэта, основоположника коми литературы И. А. Куратова.⁶¹

Терентьев занимался переводами не только с целью тренировки — ему важно было вносить свой вклад в развитие коми литературы.⁶² С его точки зрения, переводы могли способствовать развитию национальной культуры. Они свидетельствовали как о его признании значимости сконструированного образа титульной русской нации, так и о готовности работать над возвышением национальной литературы. Терентьев метафорически обращается за советом прежде всего к русскоязычным писателям. А. С. Пушкин и М. Горький, а не современные или дореволюционные коми писатели были теми, на кого хотел равняться Терентьев.

Таким образом, на основании анализа дневника Терентьева с известной долей условности можно предположить, что для нерусскоязычных народов обретение субъективности предполагало двуязычие, выраженное как минимум в функциональном билингвизме. В этой связи нерусские народы, обретая новую субъективность, не просто начинали «говорить по-большевистски», но усваивали более престижный дискурс, в котором революционным консолидирующим потенциалом наделялся именно русский язык.

Материал дневника, возможно, свидетельствует о процессе становления советского гражданина, происходившем на двух уровнях. В случае Терентьева первый уровень касался локального контекста: автор дневника выступал за развитие деревни, занимался сбором фольклора, придерживался национальной литературной традиции в описании деревни. Второй уровень был связан с желанием Терентьева стать сопричастным более важным событиям: он вступает в комсомол, использует марксистский язык при описании повседневности, переводит Пушкина и Горького для

⁵³ См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (30.09.1936).

⁵⁴ См. цит. по: Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 212–258. URL: <https://voplit.ru/article/ocherki-nomenklaturnoj-istorii-sovetskoj-literatury-1932-1946-stalin-buharin-zhdanov-shherbakov-i-drugie/> (дата обращения: 20.03.2021).

⁵⁵ См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 568.

⁵⁶ См.: Остапова Е. В. Коми литература в зеркале перевода. Сыктывкар, 2016. С. 13.

⁵⁷ См.: Доронин П. Литература кыв да переводжыс йылысь // Ударник. 1935. № 1. С. 32–37.

⁵⁸ См.: Иван Вась. Ыджыджык внимание том гижысьяс дорö // Ударник. 1936. № 10. С. 10, 11.

⁵⁹ См.: Мартин Т. Указ. соч. С. 219.

⁶⁰ Терентьев Н. Ф. Кызди ме лöсьöдча конкурс кезлö // Гöрд Печора. 1939. № 21. С. 4.

⁶¹ См.: Мый печатайтöма «Ударник» журналö1939-öд воын // Ударник. № 12. С. 60–65.

⁶² См.: Терентьев Н. Ф. Дневниковая запись (02.07.1936; 18.06.1938).

обогащения национальной литературы. В процессе написания дневника актуализируется не только стремление автора стать коми писателем, но и активная гражданская позиция.

При этом важно, что Терентьев стремился стать не просто писателем, а коми писателем, являя собой представителя формирующейся национальной интеллигенции. Усвоив «дискурс культурной революции», Терентьев позиционировал коми литературу как отсталую, которую еще следует поднять до уровня русской литературы. В этой связи его развитие как писателя означало преодоление не только собственной отсталости, лично признаваемой,

но и отсталости той культуры, которую он хотел представлять.

В более широком ключе данное исследование демонстрирует потенциал использования дневниковых записей для изучения формирования этнокультурных идентичностей в сталинскую эпоху. Вовлечение большого количества эго-документов в исследовательский оборот позволит проверить высказанную в статье гипотезу по поводу специфики субъективности в нерусскоязычном дискурсивном пространстве сталинского СССР, а также улучшит понимание функций дневников в сталинскую эпоху.

Tatiana V. Bugrimova

Researcher, Perm State University (Russia, Perm)
E-mail: tbugrimova@gmail.com

BECOMING A SOVIET CITIZEN: LANGUAGE CHOICES IN N.F. TERYTYEV'S DIARY

The article based on the diary of the young writer N.F. Terentyev from Komi ASSR who wrote his records in the Komi language from 1936 to 1939 considers peculiarities of the “subjectivity” formation in the non-Russian language discursive space. The author hypothesizes that non-Russian people in the 1930s USSR acquiring new subjectivity, began not only to speak Bolshevik but also appropriated a more prestigious discourse in which the Russian language was endowed with revolutionary consolidating potential. The material of the diary reveals two levels of the formation of a Soviet citizen. As regards Terentyev, the first level is related to the local context: the diarist advocates the development of the countryside, collects folklore, adheres to the national literary tradition in terms of the description of the countryside life. The second level is connected with Terentyev's desire to be involved in more significant events: he joins Komsomol, uses Marxist language in representation of the everyday life, actively participates in the translation of the texts written in the Russian language. The process of writing the diary reveals not only Terentyev's aspiration to become a Komi writer but also his active civic engagement. Terentyev's ambition was to become a Komi writer, a representative of the emergent national intelligentsia. Internalizing “cultural revolution discourse”, Terentyev defined Komi literature as backward which should be developed in order to keep up with the Russian literature. In this context, his personal development as a writer involved overcoming of not only personal backwardness (which he acknowledged) but also backwardness of his native culture.

Keywords: *subjectivity, diary, Soviet nationalities policy, USSR, Komi language, identity*

REFERENCES

- Belikov V. I. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Yurayt Publ., 2019. (in Russ.).
- Blackwood M. A. Fatima Gabitova: Repression, Subjectivity, and Historical Memory in Soviet Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 2017, vol. 36, iss. 1, pp. 113–130. DOI: 10.1080/02634937.2016.1223017 (in English).
- Bogdanov K. A. *Vox populi. Fol'klornyye zhanry sovetskoy kul'tury* [Vox populi. Folklore genres of Soviet culture]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2009. (in Russ.).
- Clark K. *Sovetskiy roman: istoriya kak ritual* [The Soviet Novel: History as Ritual]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2002. (in Russ.).
- Hellbeck J. The Diary between Literature and History: A Historian's Critical Response. *The Russian Review*, 2004, vol. 63, iss. 4, pp. 621–629. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2004.00336.x (in English).
- Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts. *The Russian Review*, 2001, vol. 60, iss. 3, pp. 340–359. DOI: 10.1111/0036-0341.00174 (in English).

- Hellbek J. *Revoljutsiya ot pervogo litsa: Dnevnik stalinskoy epokhi* [Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (in Russ.).
- Igmen A. *Speaking Soviet with an Accent: Culture and Power in Kyrgyzstan*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2012. (in English).
- Khatanzeisky N. *Lyudi Izhemskogo kraja* [People of the Izhma region]. Izhevsk: KnigoGrad Publ., 2014. (in Russ.).
- Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995. (in English).
- Maksimenkov L. [Essays on the nomenclature history of Soviet literature (1932–1946). Stalin, Bukharin, Zhdanov, Shcherbakov and others]. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2003, no. 4, pp. 212–258. Available at: <https://voplit.ru/article/ocherki-nomenklaturnoj-istorii-sovetskoj-literatury-1932-1946-stalin-bukharin-zhdanov-shherbakov-i-drugie/> (accessed: 20.03.2021). (in Russ.).
- Martin T. *Imperiya "polozhitel'noy deyatelnosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).
- Ostapova E. V. *Komi literatura v zerkale perevoda* [Komi literature in the mirror of translation]. Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina Publ., 2016. (in Russ.).
- Paperno I. *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. (in English).
- Pinsky A. [Preface]. *Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub'yektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: late Soviet subjectivity (1953–1985)]. Saint Petersburg: EUSPb Publ., 2018. (in Russ.).
- Popov A. A. [Zyryanizatsiya (1918–30s)]. *Problemy funktsionirovaniya komi yazyka v sovremennykh usloviyakh: materialy nauch.-prakt. konf. (Syktyvkar, 28–30 marta 1989 g.)* [Problems of the Komi language functioning in modern conditions: materials of sci.-practical conf. (Syktyvkar, March 28–30, 1989)]. Syktyvkar, 1990, pp. 82–92. (in Russ.).
- Punegova G. V. [Graphic system of national alphabet: from the Komi graphics history]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2014, no. 10 (40), part 2, pp. 148–150. (in Russ.).
- Suny R. G. *The Soviet Experiment Russia, the USSR, and the Successor States*. New York: Oxford, 1998. (in English).
- Suny R. G., Martin T. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. Oxford, New York: Oxford University Press, 2001. (in English).
- Tsypanov E. A. [Periodization experience of the national language policy in Komi republic (from the beginning of the 20th century to the present day)]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2017, no. 1 (30), pp. 17–23. (in Russ.).
- Yilmaz H. The Soviet Union and the Construction of Azerbaijani National Identity in the 1930s. *Iranian Studies: Journal of the International Society for Iranian Studies*, 2013, vol. 46, iss. 4, pp. 511–533. DOI: 10.1080/00210862.2013.784521 (in English).
- Ziyadinova O. S. [Komi prose of the first third of 20th century: artistic-philosophical understanding of relationship between man and nature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 2 (12), pp. 20–31. (in Russ.).